

АСЯ ПЕТРОВА

РАЗВОД

Ты уничтожи нас

СЕРИАЛЬНЫЙ ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Ася Петрова

Развод. Ты уничтожил нас

<https://litres.ru/74213412>

Аннотация

— Меня к ней тянет... Муж устало трет глаза, опускаясь на барный стул. — Что? — улыбаюсь, поворачиваясь к нему, еще полностью не осознав сказанное. — Меня тянет к ней! И я не знаю, что делать!!! Двенадцать лет брака и отсутствие детей. Мы принимаем с любимым мужем важное решение — суррогатное материнство. А теперь его тянет к ней... К той, кто носит нашего малыша. НЕ ЗАБУДЬТЕ ДОБАВИТЬ В БИБЛИОТЕКУ И ПОСТАВИТЬ "НРАВИТСЯ", ЕСЛИ ВАМ ПОНРАВИЛАСЬ КНИГА!

Содержание

Глава 1.	4
Глава 2.	10
Визуализация.	15
Глава 3.	16
Глава 4.	21
Глава 5.	26
Глава 6.	31
Глава 7.	36
Глава 8.	41
Глава 9.	46
Глава 10.	52
Глава 11.	57
Глава 12.	63
Глава 13.	68
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Глава 1.

— Меня к ней тянет...

Муж устало трет глаза, опускаясь на барный стул.

— Что? — улыбаюсь, поворачиваюсь к нему, еще полностью не осознав сказанное.

На плите жарится сочный стейк из форели, запахи волнуют всю кухню, в наушниках играет любимый трек, под который я обычно готовлю вечерами. Ведь ужин — это наш ритуал с Игнатом.

Мы оба заняты работой. У мужа свой строительный бизнес, я же работаю ведущим врачом в клинике репродуктивных технологий.

Мы вместе уже двенадцать лет, у нас крепкий и счастливый брак. Но времени на друг друга не всегда хватает. Поэтому вечерние посиделки — это наше любимое занятие.

Я вынимаю один наушник из уха, подхожу к Игнату, опуская свои губы на его колючую щеку. И когда он застывает от моего касания губ, только тогда обращаю внимание, что с мужем что-то не то.

— Меня тянет к ней! И я не знаю, что делать!!!

Его громкий рык оглушает, а второй наушник выпадает из моего уха от того, что я вздрагиваю.

— Игнат, что случилось? — долго мысли собираются воедино. Вроде как пазл в голове должен сложиться, а не полу-

чается. Что-то мешает. То ли действительно запоздалая реакция, то ли верить в услышанное совсем не хочется.

— Ты же понимаешь о чем я, Лиля, — он перехватывает мою руку, что лежит на его плече, опускает свои губы, оставляя серию коротких поцелуев на тыльной стороне, — Мне так жаль, малыш.

Его голос надломлен. Я слышу сожаление, но не понимаю... Ничего не понимаю.

— К кому тебя тянет? — аккуратно забираю свою руку, прижимая ее к груди.

Отхожу обратно к плите, переворачиваю стейк, чтобы он не пригорел. Сглатываю ком, чувствуя как он прожигает мою спину своим жалящим взглядом.

— К ней... К Кире.

В груди резко что-то щелкает, и я чувствую, как больно становится. За секунду. Словно в меня попадает шаровая молния, поражая все органы. Кладу аккуратно лопатку на специальную подставку, опускаю руки на столешницу и пытаюсь сделать вдох. Воздуха критически мало.

— Ты же знаешь, как я люблю тебя, малыш? — то ли это вопрос, то ли утверждение.

У меня звон в ушах. Кручу в голове его слова, пытаюсь найти какую-то нить с тем, что может я неправильно сейчас все поняла, но муж добивает словами.

— Но я не могу больше сдерживать себя. Она... Она как наркотик, Лиль. Я не могу больше, меня ломает.

— У вас было что-то? — хриплю, сдерживая слезы.

Хочется закричать, что есть силы. Разрыдаться... А я не могу. Не умею.

— Только один поцелуй, Лиль. Я не смог, пока... Пока не скажу тебе. Теперь ты знаешь.

— Господи, — закрываю лицо руками, — Как же больно. А ведь и правда... Скручивает так, что двигаться нет возможности.

— Я уважаю тебя, поэтому решил, что нужно все тебе рассказать. Пока не довел до греха.

— И что ты предлагаешь?

Разворачиваюсь к нему, смотрю на потерянное лицо. Словно он ждет, что я приму решение. Что я скажу, что нам делать дальше. А я ничерта не понимаю.

Еще пять минут назад я была счастливой женой лучшего мужчины на свете. А сейчас... Он признается, что испытывает чувства к другой.

И ведь не просто к левой женщине... Она — наша суррогатная мать.

Молодая, яркая, красивая девочка. И я не замечала между ними лишних взглядов или желаний. Когда я могла проглядеть все это? И когда это все началось?

— Лиль, — он встает со стула, покачиваясь, идет в мою сторону.

— Нет! — взвизгиваю, подавая признаки жизни, — Ты хочешь, чтобы я решила за тебя, что тебе делать?

— Я просто не понимаю. Я запутался.

— Так распутайся, — повышаю голос, так оказывается легче выпустить боль, — Знаешь ли... Внутри нее...

Осекаюсь на полуслове, потому что причина нашей размолвки заходит на кухню.

Она легкой походкой залетает, словно бабочка, широко улыбается, подхватывает яблоко из корзины, вгрызаясь зубами и обхватывая плод пухлыми губами.

Я тут же поворачиваю голову в сторону Игната, и вижу, как дергается его кадык. Он смотрит на нее... Как когда-то смотрел на меня. Там огонь.

И я чувствую, как ломаюсь с каждой секундой, наблюдая за этой сценой. Его глаза говорят больше, чем он сам.

— Хозяева, у вас все в порядке? — она осматривает нас по очереди, опуская руку с зеленым фруктом вниз.

— Я рассказал жене, — хрипит Игнат.

— О чем? — она испуганно округляет глаза.

— О нас.

Я не могу поверить, что слышу это. Он рассказал мне о них. И ощущение, что они здесь главные актеры собственно-го романа о любви, а я помеха, второстепенный герой.

— Я... Я, — она убирает выбившуюся прядь волос за ухо, — Лилия Александровна, я...

Господи, да не мучайся ты так, девочка!

— Не хотела что? Целовать моего мужа?

— Не хотела, чтобы так вышло. Понимаете, ваш муж. Вер-

нее, Игнат, он... Господи, — ее руки трясутся от страха или волнения, — Я влюбилась.

— Славно! — развожу руки в стороны, — А с этим что делать будем?

Указываю рукой в сторону ее округлившегося живота.

— Давай не будем на эмоциях сейчас принимать никаких решений, — Игнат дипломатично вставляет свои пять копеек.

— Уходи, — мотаю головой, — Просто уходи.

Он поворачивается в сторону Киры, прося девушку выйти. Она виновато опускает голову и как олененок Бемби скачет обратно. На своих... Стройных ножках, сверкая белыми пяточками.

— Лилек, родная, ты прости меня, — он пытается обнять меня, — Я сам не понял, как так вышло. Просто ёкнуло и все. Я же боролся... Открещивался. Но не смог.

— Прекрати, — отталкиваю его, — Ты делаешь только хуже. Мне становится больнее.

— Лиль, я хочу попробовать.

Вопросительно изгибаю бровь.

— Я хочу попробовать быть с ней, мне башню рвет.

— А... Как же мы?

— А мы останемся родителями нашего будущего малыша. Просто на расстоянии. Кира не претендует на него, ни в коем случае. Да и ты так ждала его...

Дорогие мои, если вам нравится книга, нажмите

кнопку "мне нравится", пожалуйста!

Я буду вам очень благодарна)

Глава 2.

— Ох, ну спасибо, что твоя девка не претендует на нашего с тобой ребенка! И как ты себе это представляешь? — усмехаюсь.

Кажется, что Игнат за секунду потерял рассудок и несет бред.

Я злюсь на нее, что она так поступила. Растоптала мою доброту и хорошее к ней отношение. На мужа, что он так глуп и слеп. Что повелся на молодое тело.

Хотя мое тело... Ничуть не хуже. Я упакиваюсь в спортзале на протяжении десяти лет, оттачивая идеальные изгибы.

— Я понимаю, что тебе больно, Лиль. Но хуже было бы, если я втихую...

— Прекрати! — вою от бессилия, — Ну почему, Костров! Двенадцать лет брака и слова любви ничего не значат?

С каждой секундой меня накрывает все больше и больше. И я превращаюсь в истеричку, как из тех сериалов, что я терпеть не могу. Но сейчас словно понимаю их... Почему они выплескивают это все наружу.

Да потому что носить в себе и терпеть эту боль невозможно.

— Лиль! — Игнат зовет меня.

— Да что? — кричу так сильно, отчего стекла начинают дребезжать.

— Рыба! — кивает мне за спину.

— Какая к черту рыба?

— Рыба горит! — он подбегает к плите, быстро вырубает огонь и снимает сковородку.

— Приятного ужина, — хриплю, смотря на черную корку на оранжевой форели.

С моим алым сердцем сейчас сделали такое же фламбе.

Снимаю фартук, бросая его на стол, и устремляю прочь из кухни. Да и вообще хочу покинуть этот дом немедленно. Желательно в течение минуты.

Слышу за спиной грузные шаги мужа, и ускоряю шаг.

— Лиля, детка. Ну давай поговорим, не сбегай.

— Я не хочу... Сейчас я не хочу разговаривать, — смахиваю слезу с щеки, быстро срывая куртку с вешалки.

— Лиль, это несерьезно. Мы же взрослые люди, — Игнат перехватывает мою руку, когда та касается ручки входной двери, — Ты сама всегда говорила, что все решается словом. Так давай поговорим, а не будем бежать друг от друга как школьники.

— Да о чем говорить? Ты же внутри себя уже принял решение, хочешь, чтобы я дала добро? Или что?

— Мне просто хочется поговорить, Лиль. Мы не чужие друг другу люди.

— Да иди ты к черту, — я уже на грани, поэтому срываюсь на рев. Игнат точно не видел меня в таком состоянии, очень давно. Потому что у нас все было хорошо!

А сейчас, наши отношения рушатся как кирпичный домик, складываясь в груды руин.

От на секунду замирает от моего вопля, что рвется из груди, и я успеваю выдернуть руку. В глубине души я понимаю, он прав. Нам нужно поговорить.

Но сейчас... Нет, я не готова совсем.

Быстро сажусь за руль своего любимого авто, завожу машину и жду. Не трогаюсь с места, пока дыхание не восстановится. Пока не станет легче.

На дорожку из гравия вылетает муж, он качает головой, что-то крича мне. Но из-за включенного двигателя и закрытых окон я не могу разобрать слова.

Сдаю назад, нажимая на пульт, чтобы ворота открылись. И понимание того, что я оставляю их двоих в нашем доме топит с головой. Но и находиться рядом... Немыслимая мука.

Игнат что-то продолжает кричать, машет руками, но я уже выезжаю за пределы двора, быстро выскакивая на трассу.

Еду в город. На работу. Там всегда можно забыться от проблем и спрятаться от боли.

Перед глазами пелена слез, я вытираю их рукавом куртки, вытираю, вытираю... А они не прекращаются.

На телефон поступают звонки, и я прекрасно вижу на дисплее имя мужа, но держусь. Не беру трубку, хотя хочется вывалить на него все, о чем думаю и чувствую.

Игнат не сдается, теперь он сыпет меня смсками. И я читаю их, смотря в бок, одной рукой ведя машину.

“Лиля, там обледенелая трасса. Сбавь скорость!”.

Я смотрю в зеркало дальнего вида, и вижу, что он едет за мной. Злюсь, вдавливая педаль газа в пол сильнее. Машину слегка заносит, но я не останавливаюсь.

Отстань же ты от меня! Оставь в покое!

“Лиля! Останови машину!”.

Я представляю, как он кричит сейчас на меня за то, что я подвергаю себя опасности. Но от скорости мне становится легче, адреналин дает возможность выпустить весь негатив.

Сама не замечаю, как руль дергается в сторону и машина слегка покачивается, виляя задом.

Игнат равняется со мной, словно мы играем в гонки, и ему удастся перегнать. Он отъезжает вперед на приличное расстояние и тормозит свою БМВ, преграждая мне путь. Приходится тоже сбавить скорость и остановить машину в нескольких метрах от его.

Прикладываю руки к щекам, сижу, выключив двигатель, и смотрю вперед. Его большая фигура все ближе и ближе. И вот муж уже долбит мне в боковое окно.

Дергает ручку двери, и та спокойно поддается под его манипуляцию.

— Ты идиотка, Лиля! Ты могла попасть в аварию! — обрушивает потом злости и даже ярости, — Чем ты думала?

— Какая разница? — шепчу, — Так же будет проще. Пострадаешь немного по женушке, а пото припевающе заживешь со своей малолеткой. У вас и ребеночек на подходе.

— Это наш с тобой ребенок, Лиля!

— Только я тебе больше не нужна, — пожимаю плечами.

Он прислоняется спиной к корпусу машину и поднимает голову в небо, прикрывая глаза.

— Все сложно, Лиль. Слишком сложно.

— Все просто, Игнат. Слишком просто. Ты захотел дру-
гую, ты ее получил. А я тебе больше не нужна. Вот и вся
мораль.

— А то, что между нами не имеет значения? — усмеха-
ется.

— А что между нами?

— Ну я все еще люблю тебя, Лиль. Просто теперь есть
одно НО.

Я в шоке смотрю на мужа, словно он незнакомый мне че-
ловек. Который вдобавок несет какую-то ересь.

Визуализация.

Дорогие мои!

Принесла вам визуал. Опять же, это лишь сугубо мое представление героев) А вы можете представлять их так, как вашей душе угодно.

Обнимаю! ##

Лилия Кострова, 34 года

Игнат Костров, 37 лет

Кира Павлова, 24 года

Глава 3.

— Ну ты себя слышишь вообще? — ощущение, что муж в секунду отупел.

Отталкиваю его одной рукой, пытаюсь закрыть дверь, но он одним движением останавливает меня. Вдыхаю обреченно. Сколько можно меня мучить? Он что, в палачи заделался?

— Игнат, — рычу озлобленно, — Убери чертову руку. Отвали! Дай мне уехать!

— Ты ведешь себя как истеричка, Лиля, — он качает головой, а я от возмущения открываю рот.

— Я дам тебе развод, Костров. Делай, что хочешь... Но унижаться, вымаливать тебя остаться со мной... Я не стану, Игнат.

— Ну, конечно, не станешь. Разве ты себе когда-нибудь позволила опуститься до просьб..., — он раздраженно выкрикивает.

— Меня просто поражает, что ты сейчас пытаешься меня в чем-то обвинить. Разве не ты клялся у алтаря, что будешь любить и беречь вечно? Чьи слова были? Между прочим, я свое слово сдержала, до последнего тебе была верна. Чем я заслужила такое обращение? Ну ладно, если бы у нас в семье были проблемы... Мы бы плохо жили, изводили друг друга. Но, черт возьми, Игнат! У нас была хорошая семья. Слы-

шишь? Хо-ро-ша-я, — повторяю по слогам, может хоть так до него дойдет, — Чего тебе не хватало?

— Мне всего хватало, Лиль. И ты важный для меня человек, но...

— Да прекрати ты совать мне свои НО! Не никаких но... Либо любишь, либо нет. И не смей говорить больше ни слова о любви. Когда любят, больно не делают. А ты ж мне душу вывернул и выпотрошил. Чего ты ожидал? Что я в ноги падать начну? Ну тебе ли, дорогой, не знать, что унижаться — не сильная моя сторона?

— Я надеялся, что мы сядем и, как взрослые люди, поговорим. Спокойно. Без скандалов и упреков.

— Потрясающе, Игнат..., — устало падаю на руль, — Называй вещи своими именами. Ты надеялся, что я как понимающая жена, приму твой выбор, поглажу по головке и отпущу тебя со спокойной душой к другой. Ну что ж, скатертью дорога. Встретимся в ЗАГСЕ! — я ловлю его секундное замешательство, руки предательски начинают дрожать. Я быстро захлопываю дверь, завожу машину и сдаю назад.

Игнат не успевает отойти от корпуса автомобиля, и от резкого движения, чуть не сваливается в сугроб. Свирепеет, активно жестикулируя.

Отбрасываю волосы назад, невозмутимо смотрю вперед и показываю мужу средний палец. Колеса начинают буксовать, грязь вперемешку со снегом разлетаются в стороны и часть этой массы летит в Игната.

Я переживаю, что он снова рванет за мной, но нет... Остается стоять на обочине, провожая меня взглядом. Из-за расстояния я не могу понять, в каком он настроении.

Хочу скорее на работу, забыться в суматохе дел. Получится ли?

Я очень на это надеюсь. Иначе ноющая боль за грудиной добьет меня окончательно.

Время близится к девяти вечера, как я въезжаю на территорию клиники. Охранник удивленно смотрит на меня, но лишних вопросов не задает, за что я мысленно благодарю его. Он открывает шлагбаум, и я паркуюсь на своем месте, быстро вылетаю из авто и семеню ко входу.

— Лилия Александровна, — Катя привстает со своего места, откладывая журнал посещений в сторону, — А у нас нет срочных вызовов...

Она думает, что меня кто-то вызвал. Но нет, девочка, сегодня я вызвалась сама сбежать из собственного дома.

— Катюш, — кладу руку на стойку регистратуры, — Я сама приехала. Дай-ка мне, пожалуйста, все карточки моих пациентов.

Она тут же кивает, убегая в сторону, собирает в кучу все нужные бумаги и передает мне в руки.

— Я буду у себя в кабинете, — отхожу от стойки, на полпути поворачиваясь, — Никому не говори, что я здесь. Особенно...

Многозначительно поднимая на нее взгляд, вижу, как

краснеют юные щечки.

— Да, конечно, — она опускает голову вниз, что-то быстро перебирая на своем столе.

Нервничает. Улыбаюсь про себя. Когда-то я тоже была такой робкой...

Ненужные сейчас воспоминания лезут в голову, и я быстрее спешу спрятаться в своем кабинете.

Отключаю телефон, полностью утопая в бумагах. Слезы сами капают на документы, но я их игнорирую. Ну капают и капают, поплачу, может легче хоть станет.

Но после трех кружек кофе и пролитых слез становится только хуже. К общему состоянию расстройства и апатии добавляется тревога и легкий тремор рук. С кофеином я все-таки переборщила...

— Ну вы поглядите на нее, — Павел врывается как вихрь, — И чего мы это тут делаем? А?

Он как обычно весел и бодр. Еще со студенчества я задаюсь вопросом откуда у него столько энергии. Ну невозможно спать по четыре часа, отдавать себя всего работе, успевать флиртовать с молоденькими медсестричками и выглядеть на все сто.

Прячу лицо за бумагами, лишь бы он не заметил опухшие красные глаза и нос.

— Лилька, у вас же с Игнатом сегодня ужин традиционный. Ты чего приперлась? — я не обижаюсь на его слегка грубоватые слова, Паша мой лучший друг, ему можно.

Молчу, закусываю губу. Вспоминаю, что в этот раз вышел весьма нетрадиционный ужин, и чуть не начинаю скулить.

— Лиль, чего молчишь? — он наливает себе воду из графина в стакан, ставит стеклянную тару со звоном обратно и поворачивается ко мне, — Мать, это что еще такое?

Он в шоке опускает руку со стаканом вниз и столбенеет.

— Ну и как ты узнал, что я здесь? — шмыгаю носом.

Он хитро улыбается, но потом снова становится серьезным.

— Лилёк, что случилось?

Я кладу руки на стол, падая головой вниз, и реву. Много. Опять. Откуда только слезы берутся?...

— Паш, он... Игнат...

Сквозь мои завывания не понять слова.

— Лиль... — тяжелая мужская рука опускается на плечо, крепко его сжимая.

— Игнат влюбился в Киру.

Произношу и сама в шоке, как низко муж летает.

Фу. Мне тошно.

Чувствую как хватка на моем плече становится сильнее.

— Ну пиздец приплыли... А я тебе говорил, твоя добрая душа доведет тебя....

Глава 4.

Три года назад.

— Игнат? — дрожащей рукой сжимаю трубку телефона,

— Где ты сейчас?

— Лилек, я на встрече со спонсорами. Что-то срочное?

Я так не люблю отвлекать мужа от работы, но иногда... Это жизненно необходимо.

Вздыхаю в трубку, роняя слезы на пушистый некогда белый ковер. Теперь на нем зияет яркое алое пятно, и я не брезгуя, сижу на полу, перебираю окровавленные ворсинки.

— Малыш, что случилось? — он в секунду становится взволнованным, его голос приобретает нотки тревоги, — Не молчи, Лиль...

— Игнат, это все. Это опять произошло. Я больше не могу, любимый. Мне так плохо, я прям сейчас здесь умру. В этой чертовой ванной.

— Я еду, Лилек.

— Я вызвала скорую, — вою в трубку, хотя они мне уже не помогут. Как и все те четыре раза.

Никто не поможет.

Кладу телефон у своих ступней, жалею себя. И имею на это право. Меня скручивает от боли, не физической, хотя она тоже присутствует... Другая боль... Такая сильная, что даже дышать нет сил.

Слышу звук сирены, скорая подъезжает. А я не могу встать с чертова ковра и дойти. Охранник Владимир пропускает внутрь бригаду скорой помощи, ведь он уже так делал. И не один раз.

Мы все к этому привыкли. Хотя это то, к чему не хочется привыкать никогда...

— Лилия Александровна, — он забегает в ванную, — Ну что ж вы не сказали? — аккуратно касается плеча, падая на колени.

— Володь, — усмехаюсь, — Ты бы не успел...

Качаю головой.

Его взгляд потерянный, он очень хороший человек. Давно работает на нашу семью, поэтому переживает, что за меня, что за Игната, как за своих родных.

— Быстрее, пожалуйста, — кричит в сторону лестницы.

— Володь, уже поздно. Он мертв.

— Лилия Александровна, но может...

Я вскрикиваю от удушающей боли... Я бы тоже хотела, чтобы это был сон. Но нет. Это происходит каждый чертов раз.

— Володь! — стучу кулаками по полу, — Его нет. Хватит. Нет! Слышишь? Нет!

Как раз во время моей истерики в ванную заходят два врача, женщина и молодой парень.

— Что тут у нас? — она ставит оранжевый ящик рядом со мной, опускаясь на колени. Просит Владимира подвинуться.

— Выкидыш, — хриплю, растирая слезы по лицу, — Надо почистить.

— Вы так уверены в чистке?

— Я гинеколог. Крови много, — показываю на лужу вокруг себя. И она продолжает растекаться все больше.

На руках липкая вязь, и я сильнее сжимаю кулаки, чтобы сместить фокус на физическую боль.

Я вижу сочувствующий взгляд врача, отворачиваюсь, пока мне колят необходимые препараты, чтобы остановить обильное кровотечение.

— Везем в сто вторую, — обращается ко своему напарнику, — Тут неполный выкидыш. Нужна зачистка.

Я привстаю на колени, низ живота скручивает как жгутом. Сцепляю зубы со всей силы, прикрыв глаза.

— Давайте на кушетку, — женщина придерживает меня за плечо, — Мужчины вас спустят вниз, — осматривает своего напарника и Владимира.

— Лилия Александровна, конечно. Не вставайте, — он подхватывает меня на руки, — Я вас так до машины донесу.

Он мчится вниз со скоростью света, и как только мы оказываемся у входной двери, она распаивается.

На пороге взмыленный Игнат с бешеным взглядом. Он за секунду пробегається по мне, забирает из рук Владимира и прижимает к себе. Его грудная клетка часто вздымается, он утыкается носом в мои волосы. А я как неживая просто обвисаю на его руках.

— Малыш..., — шепчет мне на ухо, — Мы попробуем еще раз. Я тебе обещаю.

— Я больше не хочу, Игнат! — быстро мотаю головой.

— Мы станем родителями, слышишь? Я обещаю тебе.

— Я не хочу Игнат! Это четвертый выкидыш за шесть лет. Я больше не хочу! Я не буду! — стучу кулаками по его груди, разрываясь в рыданиях.

Конечно, муж не виноват в случившемся, но он позволяет мне выпустить всю боль.

— Лиль, девочка моя...

— За что? Ну почему? Я стольким женщинам помогла обрести материнское счастье... Игнат, ну почему я так беспомощна сейчас?

— Лиль, я клянусь. Мы станем родителями. И не раз. Мы пройдем это вместе, все будет хорошо! — он целует меня в лоб несколько раз.

— Нужно отвезти в больницу, — врачи спускаются вниз, равняясь с нами, — Нужно...

— Я понял, — Игнат кивает, — В какую едем?

— Сто вторая.

Я опускаю взгляд вниз, вижу как рукава дорогущего пиджака мужа покрываются пятнами от крови. И хоть на темной ткани не видно, мне сейчас так жалко этот потрясающий пиджак. Странно... Должна оплакивать малыша, но чтобы в очередной раз не сорвало крышу, я смещаю фокус внимания.

Игнат кладет меня на кушетку в машине скорой помощи, залезает следом, прося Владимира подогнать его машину к больнице. Сжимает мою руку на всем пути. Приглаживает мокрые от пота волосы, касается большим пальцем лба, нежно лаская кожу.

— Лиль, — зовет почти шепотом. Я прикрываю глаза и медленно их открываю.

— Я люблю тебя, Лилёк! Прости... Что у нас так выходит.

— Игнат, это я дефектная. Ты не виноват.

— Ну что ты такое говоришь, дурочка! — злится, сжимая мое лицо в своих ладонях, — Не смей, Лиль. Я с тобой до конца.

— Игнат, — сжимаю его руку на своем лице, — Если вдруг... Ты захочешь построить семью, а я не смогу, то...

— Замолчи, Лиля! Мне никто не нужен кроме тебя! Запомни это раз и навсегда.

Он ловит губами стекающую по моей щеке слезу, и я отрубаясь.

Хорошо, когда рядом любящий мужчина. Есть шанс... Что все образуется.

Глава 5.

— Ну кто же знал, Паша, что все так выйдет, — встаю с места, отходя от друга. Протискиваюсь к окну, ежусь от холода или внутреннего озноба.

— Хочешь я ему морду набью? — он опускает руки на мои плечи, сжимая их и массируя, — Лилек... Сейчас сердце разорвется от твоего взгляда.

— Знаешь, я наверно понимаю, почему так вышло, — хлюпаю носом и кладу свой лоб на грудь друга, — Столько лет бороться, видеть мои срывы и истерики, хотеть полноценную семью... Я ничего из этого не смогла ему дать. Ни детей, ни полноценной семьи.

— Ну и дура ты, Лилька. Твой Игнат избалованный твоим вниманием и заботой решил, что может прыгнуть в койку к другой, а потом вернуться. Он заикнулся о разводе?

— Нет, только я.

— Он и не станет поднимать эту тему. Я тебе как мужик могу сказать, он думал, что получится выйти сухим из воды.

— А не выйдет, Паш, — снова закрываюсь, тру устало лицо, — Я подам на развод. Не стану мешать счастью молодых. Займусь работой, буду воспитывать ребенка... Сама.

— Лиль, — Пашка шепчет, пытаясь что-то сказать, но дверь резко распахивается.

На пороге Игнат. Резко останавливается, дверь ударяет-

ся о бетонную стену. Игнат приваливается к дверному косяку, складывая руки на груди и пробегая взглядом по мне и Пашке.

Руки Паши еще крепче сжимают мои плечи, и я вижу, как дергается верхняя губа мужа и раздуваются крылья носа.

— Ну конечно, куда же без твоего верного пса.

Я не знаю почему, но Игнат и Павел невзлюбили друг друга с самого начала. Мы с Пашкой были не разлей вода, везде вместе. На парах, в общежитии, на студенческих мероприятиях, и мы правда просто дружили. Паша никогда не предлагал мне чего-то большего, тем более вокруг него вились красивые девушки, и он был не обделен вниманием.

А в один из летних дней мы пошли на дискотеку, где я познакомилась со старшекурсником строительного университета. Игнат сразу заявил о своих серьезных намерениях. Я очень удивилась, что он заговорил про семью после недели общения... Меня даже это смутило. Но я рискнула, открылась ему и ни разу не пожалела о своем выборе.

А Пашка мой выбор не одобрил... Яро не высказывался, но просто сказал, что я достойна лучшего.

Игнат оказался потрясающим мужем, чутким, заботливым, всегда был рядом, оберегал меня и поддерживал. Почему ему так башню сорвало... Я не знаю.

Я выгляжу хорошо, дело точно не во внешности. Скандалов и ссор у нас не было в семье, мы садились за стол и все обсуждали. Всегда.

Так почему?

— Ну ты с выражениями то будь аккуратней, — Пашка тоже не остается в долгу, тут же огрызаясь.

— А ты ручки то свои убери с тела моей жены, — Игнат делает шаг вперед, и я чувствую, как накаляется атмосфера вокруг. Словно раскаленная лава топит помещение, обжигая все вокруг.

— Игнат, зачем ты пришел? — сама отхожу от друга, чтобы не будить вулкан внутри мужа. Еще одного извержения нам не надо.

— Лиль, как я мог тебя в таком состоянии отпустить одну..., — его голос тут же меняется на более ласковый, — Ехал за тобой все время. А потом сидел в машине на парковке, — кивает головой в сторону улицы, — Хотел дать тебе время побыть наедине с самой собой.

— Я все еще не хочу разговаривать, Игнат. Так что уходи, — не знаю, о чем вообще тут говорить.

Муж четко дал понять, что хочет отношений с другой... Как я могу на это повлиять? Молить и выпрашивать его не уходить? Это не в моем стиле.

— А нужно, Лиль! — он давит голосом.

— Тебе жена на чистом русском говорит, чтобы ты ушел. Имей совесть не добивать, если ты уважаешь ее, — Пашка не может остаться равнодушным, тут же вставляя свои пять копеек.

— Закрой свой рот и выйди. Это разговор не для третьих

лиц, — рычит в ответ. Я вижу как его всего трясет от раздражения.

— Хватит! — вскрикиваю, когда друг уже открывает рот, чтобы выплюнуть в сторону Игната очередную порцию любезностей, — Я сейчас не хочу видеть никого. Уходите оба!

— Лиль, — Игнат делает попытку приблизиться, но я останавливаю его, — Лиль, так неправильно.

— А как правильно, Игнат? Как? Хотите нашу суррогатную мать правильно?

— Нет, я знаю, что виноват. Но...

Во мне что-то лопается. С треском. Я готова прямо сейчас сделать то, что не делала никогда. Ударить!

Я подлетаю как фурия, сметая все на своем пути. Замахиваюсь и ударяю мужа по лицу. Он застывает, не моргая, и слышен только гул ветра за окном.

— Ты мне надоел со своими НО! Иди к ней! Я разрешаю тебе! Ты этого хотел? — душу рвет в клочья, — Ну уходи же ты, — толкаю его в грудь, — Иди! Убирайся.

Меня трясет от рыданий... Я не могу даже сделать полноценный вдох.

Я не знаю, как повлиять на мужа. Что сказать, чтобы это обернулось глупой шуткой или просто страшным сном. А ведь реальность подобралась так близко, больно жала.

Неужели я слепая курица, что не замечала очевидного? Что Игнат возил Киру на массажи и прочие мероприятия... Сам возил!

И я не пресекала этого. Полное и тотальное доверие любимому мужчине. Мне казалось, что здоровые отношения так и строятся. Без контроля любимого мужчины.

Всегда поражалась, как другие женщины что-то запрещают своим мужья. Для меня такая модель поведения была недопустима.

И если бы я стала курицей-наседкой, какая гарантия, чтобы он не ушел? Ноль процентов.

Дело не во мне. Дело в нем.

— Лилька, — он припечатывает меня к своему стальному торсу, зарываясь пятерней в копну волос на затылке, — Я не могу тебя потерять. Я запутался... Но развод? Ты серьезно?

Поднимаю на него глаза в немом шоке... Он думал, что развода не будет? Нет, он был в этом уверен!

Глава 6.

— Друг, тебе говорили, что по вторникам пить вредно,
— Миха делает щедрый глоток коньяка, закусывая долькой лимона, — И вообще, ты же не пьешь.

Его взгляд уже слегка затуманен, мужчина расслаблен. Сидит вальяжно в большом кресле, грузно утопая в подушках. Миша вообще баловень судьбы, любит красиво жить, да и без проблем себе это позволяет.

Он старше меня на семь лет, но я всегда тянулся общаться с людьми, кто прожил свою жизнь чуть больше, чем я. Набирался с детства опыта у старшиков. Видимо эта привычка осталась.

Сажусь в кресло напротив, в баре кроме нас никого, в углу стоит официантка с уставшим лицом, проклиная мысленно нас за поздний визит. И где-то у бара слышен звук шейкера, который трясет такой же уставший бармен.

— Ну чего ты меня вызвал? — он ставит пузатый бокал на стол, откидываясь обратно на спинку кресла.

Я же расслабиться никак не могу, напряжение сквозит во всех частях тела. Даже кулаки непроизвольно сжимаются, без возможности контролировать фаланги пальцев.

— Лиля хочет подать на развод, — официантка подходит к столу и ставить на поверхность пустой бокал под коньяк, откупоривает пробку, но я касаюсь ее руки, — Я сам. Иди!

Она кивает и убегает. Наливаю себе чуть больше положенной нормы по этикету и залпом осушаю, слегка морща лицо. Я пью редко, очень редко. Можно сказать, что не пью вообще.

— Как это? Просто взяла и решила развестись? — друг щурит глаза, пристально наблюдая за мной, — Никогда не поверю... Вы же образцовая семья.

— Была, — усмехаюсь, — Пока я не испортил все.

— Ну вот, уже интереснее... И что ты натворил, Игнат?

— Признался ей, что меня тянет к другой девушке, — не могу спокойно обсуждать это, снова выпиваю залпом второй бокал, закусывая мясистым куском лимона, — К нашей сурматери.

— Бляяаяя, — друг откидывает голову назад, в шоке открывая рот, — Ну это же полный пиздос. Ты ей прям так и сказал?

— Да. Я хотел быть честным с ней.

— А получилось, что выглядишь идиотом. Игнат, а тебя отец не учил, как изменять правильно?

Скалюсь в недоброй усмешке, разминая позвонки на шее. Отца у меня нет... И друг прекрасно осведомлен об этом.

— Я не мог поступить так с Лилей. Просто трахнуть девчонку и сделать вид, будто все okay. Лилька не заслуживает...

— Да пиздец, — друг гогочет, но это точно не смех радости, — А твои слова ее сейчас прям сделали счастливой. Да

уж, Игнат. Вот вроде ты умный мужик, бизнес такой создал, а в голове... Хер пойми что. Расскажи мне, что ты там нашел в вашей сурмамочке. Ну она обычная пухлогубая деваха. Таких полно.

— Вот, — стучу кулаком по столу, — Вот! Я не знаю! Это просто какое-то наваждение. Сначала я подумал, что у меня случилось помутнение разума, я даже старался обходить ее стороной, когда член при каждом взгляде на нее стоял колом. А потом... Я уже просто на стены стал лезть.

— А с женой не удовлетворить свои потребности было?

— Я удовлетворял. У нас с Лилей все хорошо в этом плане. Но каждый раз, когда я смотрел на Киру, у меня тут же вставал. Ты прикинь, я в тридцать семь разучился контролировать эрекцию?

— Да уж, — Миша трет устало глаза, — Какой-то пубертат у тебя в голове. А Кира тебе нравится как женщина, ну по всем фронтам, или просто как сексуальный объект?

— Я запутался, Мих! Нихера не понимаю. Сказал жене, что хочу попробовать с Кирой, а теперь... Теперь думаю, что на эмоциях херню сказал.

— Не, — он качает головой, — Это пахнет клиникой, Игнатик. Причем такой... Прямо психиатрией. Давай подытожу. Ты пришел к жене, сказал, что хочешь чпокнуть вашу сурмаму, а сейчас жалеешь. Все верно? Я ничего не упустил?

— Все верно, — слова друга звучат абсурдно. И мой за-

туманенный мозг это воспринимает уже иначе. Может и не надо было Лиле все это говорить...

— Ну разводишься тогда, че уж. И жахай вашу сурмамочку. Ты какой совет вообще хочешь получить? Я ж по этим делам не спец, Игнат. Я за двадцать лет брака ни на одну женщину не посмотрел даже мельком. Я свою Ирку пиздец люблю, чтобы одним телодвижением потерять.

— Да и я Лилю люблю... Просто наваждение, блядь, какое-то. Может я реально болен?

— Сходи к мозгоправу, побеседуй.

— Ну заняться мне больше нечем, как чужих людей в свой мозг пускать.

— Ну а что ты тогда хочешь? Ты меня зае! Что с тобой, Костров? Тебе снова пятнадцать?

Миха начинает злиться из-за моих метаний, а у меня у самого бошку крутит вертит. Я каждую минуту перебираю в голове варианты, как поступить правильно. И все они неправильные!

Дать Лильке развод? Но я люблю жену. Честно люблю. И ребенок...

А Кира... Господи... Сейчас мозг взорвется.

— Надо поговорить с ней, — четко решаю для себя.

— С Лилькой?

— Нет... С Лилей пока диалог не выходит. С Кирой, — третий бокал снова пустеет от одного глотка.

— И о чем ты собрался с ней говорить?

— Обо всем.

— Мда, я понял. С башкой у тебя совсем беда. На, — он кидает визитку на стол, — Хороший специалист, проверься. Да и к эндокринологу сходи что ль, может у тебя гормональный сбой.

— Че? — приподнимаю бровь.

— Ниче, а сбой. Проблемы со здоровьем, все такое, — Михаил встает с кресла, поправляя брюки, — И больше по такой херне не зови меня в ночи бухать. Я думал у тебя что-то серьезное, а ты как телка решиться не можешь, с кем тебе спать.

— Пошел ты! — огрызаюсь на друга, отодвигая почти пустую бутылку коньяка подальше.

— Давай-давай, Игнатик. Лечись. И Лильку не обижай, а то моя Ира... Ну ты знаешь, что с тобой сделает.

Друг уходит, а я остаюсь в баре один. Ну еще официантка и бармен.

Надо ехать домой, а там Кира... Лилька не вернется. И чет мне совсем хреново, с головой походу и правда беда.

Глава 7.

Захожу в дом, сбрасывая ботинки и пиджак. В руках уже точно пустая бутылка коньяка, лишь на дне проблескивает коричневая жидкость. Я открываю рот, тряся бутылкой и капая на язык остатки.

В доме тишина, словно все сдохли. Лилька... Упрямая, наверняка осталась на работе, ютится там на неудобном диване, но домой не вернется. Характер у нее бойкий. Если что-то задумала или решила, то уговорить почти нереально.

А вот где моя... Кхм, моя! Блядь, режет это вот местоимение. Не вяжется оно никак ни с кем, кроме Лильки. Моя жена, моя женщина... Это Лилька.

А Кира. Просто та, кого я хочу. Причем так хочу, что стискивать зубы приходится.

Падаю на диван в гостиной, открывая небольшой холодильник с напитками. Достāju минералку и осушаю ее за полминуты. После закатываю рукава на рубашке и прикрываю глаза. Выпил бы еще, но знаю, что будет скверно. А я похмелье ненавижу. Просто не переносу его.

Рядом что-то шелестит, тяжелые веки открывать не хочется, но когда моего плеча касается голова, я их в ту же секунду распахиваю.

— Где ты был? — Кира говорит очень тихо. На ней почти нет одежды, или это я так фантазирую.

Потому что эта шелковая ночнушка... Это издевательство чистой воды.

— Пил, — демонстрирую ей пустую бутылку, — Почему ты не спишь?

— Разве это не очевидно? — она касается своими тонкими пальчиками ворота рубашки, отгибает его и пробирается подушечками к горячей коже. Я чувствую как воспламеняется тело от ее прикосновений.

И меня просто трясет.

Вообще, мужики делятся на два типа. У одних под алкоголем не стоит, другие после двадцати грамм уже готовы трахнуть красивую сучку и забыться в страсти.

И я сто процентов второй вариант... Потому что я уже чувствую, как наливается кровью мой член.

— Кир, подожди, — убираю ее руку в сторону.

— Зачем? Я и так долго ждала... Больше не хочу. Лилия Александровна теперь все знает, мы можем, — она мажет кончиком носа по моему виску, — Игнат, мы можем теперь делать все, что захотим. Слышишь?

Она опускает свой язык на мочку моего уха, и я не выдерживаю, грубо застонав.

Нет, если существует пытка... То это она!

— Ты беременна, — ну, конечно, блядь, Костров. Это очевидный факт.

— Мне можно, — она хихикает. И я не успеваю сориентироваться, как ее стройная ножка уже перекидывается на

другую сторону. Она садится ко мне на колени, и ее торчащие из-под ткани соски оказываются на уровне моих глаз.

— Кира..., — по ощущениям мне сейчас пятнадцать лет не меньше. А по факту... Веду себя как идиот.

— Игнат, что с тобой? — она откидывает свои пышные светлые волосы назад, — Почему ты такой напряженный?

Я рычу, прикрыв глаза. Почему я напряженный? Хороший вопрос... Потому что как минимум перестал руководить своей жизнью. Ха! Нет!

Не так. Я прекрасно руковожу своей жизнью, только мне не нравится исход всех событий. Я бы даже сказал, он меня бесит.

Я хотел это молодое тело больше всего. И шел к этому. И вот сейчас... Возьми да трахни! А я просто не могу. Надо же поговорить сначала, все обсудить.

— Кир, плесни мне пару капель скотча, — хриплю.

Девочка дует губы, но тут же вскакивает с колен. Достает из бара красивый тяжелый бокал под виски, приподнимает его наверх, рассматривая сквозь свет от люстры.

— Он грязный, — пожимает тонкими плечиками, — Я быстро.

Она словно бабочка... Порхает, и такая легкая. Невесомая. Бежит на кухню, слышу как журчит вода, вымывает стакан и возвращается ко мне уже с наполненной тарой.

Я, не стесняясь, делаю пару глотков обжигающего ирландского скотча. Я не люблю пить алкоголь... Только сейчас это

элексир. Мое спасение.

— Игнат, — она снова на моих коленях, снова это желанное тело, — Не отталкивай меня. Я знаю, что тебе тяжело. Ты любишь жену, — она выглядит сейчас совсем по-взрослому, — Но ведь мы... Это не просто похоть.

Я уже чувствую, как мягкие губы посасывают мою кожу на шее. Она нашла таки эрогенную зону. Кира смещает губы ближе к скуле, я ощущаю едва уловимый цветочный аромат, беру ее тонкую кисть в свою большую ладонь и сжимаю. Она пищит, я слишком передал, но все равно льнет податливо.

— Я уже ни черта не понимаю, девочка. Но кажется мы зря все это затеяли.
Она тянет руку в сторону столика из коричневого дуба, обхватывает мой стакан и подносит к моим губам.

— Расслабься, мой хороший, — приподнимает его за дно, и я делаю глоток.

Сдерживать напряжение в штанах уж слишком невыносимо. Член рвет брюки, и я не преувеличиваю. Девчонка ерзает на моих коленях, и я хриплю от перевозбуждения.

Я знаю, что она чувствует эрекцию. Потому что, сними я штаны, он уже колом бы стоял. Как маяк освещал бы путь... Только мозг еще борется.

Внутри все трепещет, ну... Костров! Давай! Ты же этого хотел.

Только я какого-то черта не могу сейчас переступить эту черту.

— Игнат, я хочу тебя, — она так вкрадчиво шепчет на ухо, снова находя эрогенную зону. Хотя все мое тело сейчас — это эрогенная зона.

— Кира, — пытаюсь остановить ее, когда девчонка при-
встает, снимая с себя маленькие белые трусики.

И вот. Осталось только мне стянуть с себя брюки и взять ее.

Одна секунда... И я буду в ней. Всего-то пару действий.

— Кира, я... Я не могу! — стискиваю ее, снимая с себя.

Хотя мог бы, блядь, взять! Мог! И почти сорвался!

А скребет, сука, где-то внутри. Да еще и с такой силой.

— Ну что ты, Костров! Зачем остановился?! — мне кажется или это голос Лили? Я совсем чокнулся уже.

Однако, нет... Поворачиваю голову в сторону, вижу жену. Измученная, уставшая, с покрасневшими глазами. Бог знает сколько она здесь стоит....

— Продолжайте, — хлопает носом, — Я не стану вам мешать.

Секунда... И силуэт жены скрывается в темноте коридора.

Блядь...

Глава 8.

— Лилька, стой, — я слышу шаги Игната за моей спиной и ускоряю шаг.

Он может просто меня оставить в покое... За что? Почему так сердце рвется в клочья?

— Лиль, — он хватает меня в охапку, прижимая спиной к своей груди. Я беззвучно роняю слезы на его руки, меня рвет на части.

И я понятия не имею, как собрать себя воедино. И возможно ли это вообще.

— Игнат, теперь точно все. Я увидела достаточно для того, чтобы понять... Наш брак умер.

Сил брыкаться или как-то вырваться из его оков нет. Словно все силы высосали, не могу пошевелить ни ногой, ни рукой. Апатия.

Желание просто свернуться клубочком и уснуть.

— Лиль, ничего не было. Я не смог.

Его шепот пробирает до костей. Он не смог... А я должна стоя поаплодировать его выдержке? Или что?

— Да какая разница, Игнат? Разве в этом дело? Смог ты или не смог... Ты не понимаешь, — я кое-как нахожу в себе силы и разворачиваюсь к нему лицом, все еще находясь в кольце его сильных рук, — То, как ты смотришь на нее. То как она действует на тебя... Дело уже не в том, побывал ли

твой член в ней. Ты просто запал на нее. И что я могу сделать в этой ситуации? Скажи мне? Есть ли у тебя решение?

— Но я не могу тебя потерять, Лиль! — он злится.

Но я знаю, что эта злость не на меня, а на себя самого. Он по уши в дерьме и понимает это прекрасно. И ему неприятно осознавать, что он упал с коня лицом в грязь, окунув меня туда же.

Только вот я встану и отряхнусь, да, с болью. Да, разорвав свое сердце. Но я смогу это пережить.

Сможет ли Игнат, когда полностью осознает, что произошло?...

— От тебя пахнет алкоголем, — морщу нос, — Ты изменился. Когда это начало происходить? Почему я не заметила?

Это больше риторические вопросы в моем воспаленном мозге, но я все же задаю их вслух.

— Я нихера не понимаю, Лиль. Но есть один факт, в котором я уверен, — он поднимает глаза, в них столько решительности, что я на секунду замираю от страха, — Я не готов тебя так просто отпустить.

— Я уже приняла решение, — мне удастся аккуратно выбраться из его тисков, — Я подам на развод. Но нужно будет решить вопрос по ребенку. Надеюсь... Твоя новая пассия не собирается себе оставлять нашего ребен...

Я не успею договорить, потому что сердце чуть не останавливается от тех слов, что я слышу изо рта этой наглой

девицы. Хлопаю глазами первые секунды и реально не осознаю, что она это говорит всерьез.

— Лилия Александровна, — Кира появляется из-за спины Игната внезапно, — Так как я люблю вашего мужа, то мне бы хотелось... Чтобы этот ребенок остался со мной. Я понимаю, что вы долго ждали его, но мне кажется будет правильно, если мы с Игнатом его воспитаем.

— Что? — даже муж в шоке, а это значит, что они этот вопрос не обсуждали.

— Кира, ты... Неблагодарная дрянь, — я опускаю голову вниз, правильно Пашка сказал, что моя доброта доведет меня, — И это твоя благодарность за все, что я для тебя сделала? Ты забрала моего мужа, но благо он взрослый мужик, сам ножками к тебе потопал.

Игнат пытается что-то сказать, но взглядом прошу его заткнуться сейчас.

Хватит! Наговорились!

— Послушай, — я делаю шаг в ее сторону, она дергается назад, прячась за спиной моего мужа. Я чувствую, что у меня разрастается огромное желание ее ударить, но она беременна... моим ребенком, — Я сделаю все возможное, но малыша ты не получишь. Забирай его, — тычу в сторону Игната, — И валите на все четыре стороны.

— Лиля, — Игнат снова пытается заговорить.

— Костров! — кричу, что есть мочи, — Пошел ты, понял? Я подаю на развод, я съезжаю с этого дома. Буду жить в

нашей квартире, ой... Вернее в моей, потому что я надеюсь мы не будем делить имущество пополам, а ты уступишь мне наше бывшее городское гнездышко. В этом доме ноги моей больше не будет, здесь все пропитано дерьмом, которым ты запачкал нашу семью.

Разворачиваюсь и ухожу в спальню. Пора собирать вещи.

Сейчас я уверена на все двести в том, что я делаю. Мне все еще очень больно, но я не позволю дальше уничтожать меня. Ну уж нет.

— Что ты делаешь? — Игнат выхватывает кофту из моих рук, когда я пытаюсь сложить ее в сумку, — Ты не в себе, Лиля.

— Это ты болен, Игнат. А у меня как раз с головой все в порядке. Иди лучше уними свою сучку! Иначе... Я устрою ей сладкую жизнь.

Все-таки выхватываю кофту обратно, небрежно кидая внутрь раскрытой сумки.

— Я понятия не имею, почему она это сказала. Я разберусь с этим, но это наш с тобой ребенок. И его мать — ты.

— Ох, ну спасибо, что хоть здесь ты адекватно мыслишь. Но знаешь, что бесит больше всего? — останавливаюсь на секунду и перевожу дыхание, — Она позволяет себе разговаривать со мной в таком тоне, а ты никак это не пресекаешь. Ты больше не оберегаешь меня. А это значит лишь одно...

— Нет, Лилька, я просто в замешательстве был, но это не значит, что я не люблю тебя. Ты нужна мне, я тоню. Ты же

видишь...

— Тони, — равнодушно пожимаю плечами, — Только не захлебнись в этом говне.

Наконец застегиваю сумку и вылетаю из комнаты.

Мне нужно помыться и сон. Я должна забыть этот день поскорее.

Понятия пока не имею, как мне все это расхлебывать, поэтому срочно нужен сон. Желательно на сутки впасть в спячку.

Пока спускаюсь по лестнице вниз, снова замечаю Киру. Она, нахмурившись, стоит внизу около двери. И разминуться с ней у меня не получится.

— Лилия Александровна, — ее голос довольно бодр и не в нем больше ноток той нежности, — Я оставлю ребенка себе. В любом случае, — она выглядит цинично.

— Не знаю, девочка, почему ты нацепила на себя корону, но я так просто не сдамся.

— Ну, —она усмехается, складывая руки на груди, — Тогда поборемся.

Замираю... Она что, сейчас серьезно кинула мне вызов?

Глава 9.

— Ирка, что делать то? — уже третий час я сижу на кухне сестры и упиваюсь горем. Имею ли я на это право? Вполне.

Может и надо в руки себя взять, но так тошно, что выть хочется и на стены лезть.

— Ну девочка моя, — мягкая рука старшей сестры поглаживает меня по спине между лопаток, — Мы все решим. Ты же знаешь, что я в беде не брошу тебя?

Да, и так было всегда. Сестра всю жизнь за меня горой стоит и всегда оберегает. Но я бы никогда не подумала, что придется оберегать меня от собственного мужа и суррогатной матери.

— Девушки, ну что вы тут раскисли? — Мишка, он же муж моей сестры и близкий друг Игната, заходит на кухню. Окидывает обстановку одним взглядом и хмурится.

— А ничего, — Ирка тут же вскипает, — Скажи спасибо своему дружку, — выплевывает в сердцах, — Посмотри, что он сделал с моей сестрой. Разве он имеет право так поступать? Миша...

Она злится на мужа. Понятно, что он не виноват, но она пытается таким образом что-то выдавить из него.

— Ира, — он тоже не отстает от жены, продолжая играть в гляделки, — Прекрати!

— Ну ты же сто процентов что-то знаешь! — она чуть ли

не топает ногой, — Что у Кострова в голове? Он заболел?
— Вероятнее всего да, — пожимает плечами друг.

Миша все же полноценно протискивается на кухню, отодвигает стул и садится прямо напротив меня.

— Лиль, — стучит по столу костяшками пальцев, чтобы привлечь мое внимание.

Я же... Моя взгляд сфокусирован на кругах в чашке чая, смотрю как загипнотизированная, осознавая, что моя прекрасная семейная жизнь превратилась в ад.

— Что? — хриплю, наконец сфокусировав взгляд на мужчине, — Только не оправдывай его.

— Не буду, — качает головой, — Но мне кажется ему тоже нужна помощь. Не только тебе.

— Что ты имеешь ввиду?

Ирка снова заводится, я чувствую напряжение всем телом. Она пытается меня защитить любым способом. Сжимаю руку сестры, успокаиваю ее. Хотя мне бы самой не помешало успокоиться. Просто не хочу, чтобы из-за разлада в нашей семье, пострадала другая ячейка общества.

— Ну странный он, — Миша устало трет глаза. На часах почти четыре утра, за эти сутки я прокатилась на американских горках несколько раз. Мне не понравилось, что довольно опасный аттракцион оказался моей жизнью, — Он будто сам не свой.

— Он просто... Теперь другой. Любовь к другой его изменила.

Вздыхаю глубоко, потому что я снова на грани разреветься. Сколько там еще слез...

И долго ли я буду оплакивать наш брак... Вообще, я не из плаксивых. Но тут... Остановить себя не могу.

— Да бред, — друг ударяет по столу рукой, — Похоть... Может быть. Но какая любовь, Лилька?! Он потерянный, забитый. Не пахнет там любовью, а только помешательством каким-то. Не верю я, что все просто так.

— А как? — вымученно улыбаюсь.

— С головой у него проблемы.

— Вот тут я соглашусь, — подает голос сестра, — Совсем охренел такое вытворять.

Я встаю из-за стола, натягиваю рукава свитера на ладони, потому что те совсем обледенели. Или это просто дрожь изнутри бьет мощными ударами.

Подхожу к окну, обнимая себя, и я прекрасно вижу машину мужа внизу. Почему он не оставит меня в покое?.

— И давно он здесь стоит? — хмыкаю.

— Как только ты приехала, — Миша тут же отвечает. Вероятно Игнат звонил ему.

— Я не пущу эту скотину на порог моего дома, — Ирка чуть ли не рычит.

— Малыш, — Миша применяет иную тактику по успокоению жены. Подходит ближе, обнимает свою любимую, прижимает к себе. Она еще что-то порывивает, но все же покорно успокаивается.

В то время, как сестра с мужем обнимаются, я гипнотизирую машину Игната. Он словно чувствует меня, тут же выходит на улицу.

Опирается телом о корпус автомобиля и вскидывает взгляд вверх. Ловит мой... Хотя темно, он вряд ли полностью видит, как я смотрю на него. Но чувствует.

Перед глазами пробегают все двенадцать лет брака. Счастливого, местами тихого, а иногда бурного брака. Наши совместные отпуска, тихие уютные вечера, наши ночи...

Во всех воспоминаниях Игнат другой. Не тот, что предстал передо мной сутки назад.

Может я была слепа и жила в какой-то сказке? А может с ним и правда что-то случилось.

И вот это что-то, несмотря даже на обиду, оно не дает мне отпустить нас окончательно. Хотя на развод я все же подам. Так будет правильно.

Только с ребенком решить нужно. Я не готова потерять малыша в пятый раз, и пусть уже не самостоятельно, но зная... Что где-то будет бегать мой ребенок, наш с Игнатом, а у меня не будет возможности прикоснуться к нему и поддержать на руках.

От понимания ситуации скручивает в тиски, и зуб на зуб не попадает.

— Она сказала, что не хочет отдавать мне ребенка, — признаюсь я.

— Что эта сучка тебе сказала? — Ирка подлетает ко мне

как молния.

— Сказала, что будет бороться. За Игната и ребенка. Ир... Я ведь не должна ей их отдать. Ну ребенка так точно. Это неправильно.

— Вот малолетняя сука... Ну-ка поехали к тебе, я с ней поговорю!

— Ира, стой! — Миша пытается перехватить руку жены, — Давай не будет творить дела сгоряча. Нужно для начала все обсудить.

— Миша, ну хоть ты приди в себя, — она вскрикивает и тут же замолкает. В соседней комнате спят их дети, им уж точно не нужно быть свидетелями, как их собственная тетя утопает в горе, — Она же неспроста появилась в их семье, — продолжает Ирка уже шепотом.

— Не верю я в теорию заговора, — качаю головой, вклиниваясь в разговор, — Я сама виновата, что пустила ее в свой дом. Что пригрела, пожалела. Дала крышу над головой и возможность заработать деньги. Сама виновата...

— То, что ты та еще блаженная, Лиль, это и ежу понятно. Но неспроста эта девочка оказалась на пороге вашего дома. Ой, не спроста.

— Думаешь? — теперь и во мне поселяются нотки сомнения. А вдруг в тот злополучный день все было не просто так...

Или мой воспаленный мозг просто пытается найти хоть какие-то оправдания случившемуся.

— Женщины, — Миша делает глубокий вдох, поднимая руки вверх, — Я тоже почти уверен, что дело дрянь. Но давайте не в ночи бить в барабаны, а все поспим. А вот утром... Утром решим, что делать дальше. Хорошо?

Он смотрит на нас с мольбой, и под его взглядом мы соглашаемся.

Ира предлагает мне остаться ночевать у них, расстилает в гостинной большой диван.

Я готовлюсь ко сну, прокручивая в голове тот день, когда познакомилась с Кирой. Снова бросаю взгляд в окно, машины Игната уже нет.

И я отчаянно надеюсь внутри, что он не вернулся к ней домой.

— Миш, он же пьяный был, — перехватываю его в коридоре, когда мужчина идет в спальню, — Он сел за руль...

— Я правда не знаю, что с ним, Лиль. Но беда с головой явная. Невооруженным взглядом видно.

Киваю ему и удаляюсь в комнату, прячась под тяжестью одеяла.

Только вот глаза сомкнуть не могу. Переживаю за него, а если попадет в аварию или еще хуже... Господи.

Стону в подушку и не сдерживаюсь, быстро пишу ему короткую смску.

Обида глубокая... Но и любовь никуда не ушла. Как и тревога за него.

Глава 10.

Год назад.

Смена выдалась тяжелой, я еле доползаю до машины, ковыляя на высоком каблуке. Устало падаю в салон авто и кидаю сумку на переднее сидение.

Телефон тут же разрывается от настойчивого звонка, и я интуитивно чувствую, что звонит Игнат.

Как же хочется прижаться к мужу, опустить голову на его стальную грудь... Чтобы обнял, погладил по голове и успокоил. Месяц на работе выдался адовый.

Так и выгорание поймать можно, если я уже его не словила...

Но сам Игнат не в городе, у него важная встреча в столице, поэтому он уехал на неделю. Хотя так нужен мне именно сейчас.

— Лилька, ты как? — слышу родной голос и уже готова расплакаться от того, как сильно я соскучилась по нему.

— Жду тебя..., — шепчу ему в трубку, — А вообще, может в отпуск поедem? Любимый, я так устала.

— Конечно, Лилек, — ласковый голос мужа обволакивает, — Я сделку закрою и хоть на месяц рванем, куда хочешь. Хочешь в Тай поедem, или в старую добрую Турцию.

Я знаю, что на месяц он никак не вырвется, но хотя бы на недельку, а может даже получится и на дней десять. Было бы

прекрасно.

— Да мне неважно куда, — усмехаюсь, потирая сонные глаза, — Главное, чтобы с тобой. И без работы.

Вставляю ключ зажигания и завожу двигатель, одной рукой держу телефон, а другой аккуратно сдаю назад. Не успеваю выехать даже за черту парковочного места, как резкий удар о багажник заставляет меня затормозить.

Вскрикиваю от страха и прикрываю рот ладошкой.

— Малыш, что случилось? — Игнат тут же тревожится, в его голосе появляются нотки беспокойства.

— Я перезвоню, хорошо? — глушу двигатель, пытаюсь выровнять дыхание и унять гулко бьющееся сердце.

— Лиль, — он надавливает голосом, не любит, когда я вот так внезапно кладу трубку, — Что случилось? — повторяет вопрос.

— Я кажется... Я не знаю, я просто сдавала назад и во что-то врезалась.

— Выйди аккуратно и посмотри. Может ограду задела.

Он четко дает указания... Но я то знаю, что никакой ограды там и быть не может.

Хоть бы... Хоть бы что, Лиля?

Выхожу из машины и под сопровождающий голос мужа иду медленно в сторону багажника. Молюсь внутри, чтобы там не было никого. И может от недосыпа мне вообще помешалось...

Но нет.

Черт! Черт! Черт!

Я вижу как на асфальте лежит тело. Тело молодой девушки. Тут же кидаюсь к ней, падая на колени. Телефон срывается из рук и бьется экраном. Я переворачиваю девушку на спину и ощупываю ее.

— Лиля! — голос Игната раздается из динамиков. Теперь он в панике.

А я просто тону в тревоге. Страх окутывает все тело, и я словно парализованная, не могу двигаться.

— Лиля, что там? — громкий крик мужа приводит меня в чувство, я хватаю телефон, с сожалением отмечая разбитый экран, снова прижимаю к уху, и осколок больно впивается в скулу, царапая кожу.

— Я сбила человека, — девушка словно не дышит.

Но я же не могла так сильно ее ударить. Я выезжала на скорости улитки...

— Что? — он сначала не понимает моих слов, а потом все же осознает сказанное, — Лиль, кто сейчас в клинике есть?

Я слышу как он чертыхается, как что-то падает из его рук.

— Пашка... И медсестры. Охранник.

— Зови Павла на помощь, а я приеду как можно скорее.

— Нет, у тебя же важный контракт... Я сама, Игнат.

— Малыш, я приеду. А сейчас бегом за подмогой.

Мы быстро прощаемся, и я тут же набираю номер друга, держа руку на пульсе у девушки.

Слава богу он есть. И вполне себе нормальный.

Хоть это меня немного приводит в чувство.

— Лиль, забыла чего на работе? — Паша тут же снимает трубку, — Отдыхай. Завтра, если надо, я завезу доки.

— Паш, срочно беги на парковку! Без вопросов!

— Лиль...

Я обрываю его.

— Срочно!

Друг больше не задает лишних вопросов и появляется в поле зрения уже через минуту. Весь всклокоченный, запыхавшийся.

— Что случилось? — он не сразу замечает тело на асфальте, но как только переводит свой взгляд вниз, то тут же оценивает обстановку, — Ты сбила ее?

— Я слегка ее задела, просто сдавала назад. Удар не мог быть таким сильным, но она... Вообще не реагирует ни на что.

Паша тут же садится на корточки и осматривает девушку. Хмурится, когда видит ее лицо. Включает фонарик на телефоне, так как на улице довольно темно, а локального освещения не хватает.

— Ты не могла оставить эти отметины, — качает головой, и я замечаю на лице девушки кровоподтеки и синяки, — Эти следы оставлены не сегодня явно, — друг дает свое заключение.

— Что делать то, Паш?

Мозг совсем перестает соображать. Накопленная уста-

лость падает на плечи, а этот стресс никак не встряхивает, а наоборот придавливает к земле.

— Я положу ее в свободную палату, осмотрю. А ты, Лиль, езжай домой, — кивает мне и поднимает девушку на руки, — Только на такси, хорошо?

— Но, Паш, — я делаю шаг в сторону друга.

— Ты все равно в таком состоянии сейчас не помощница. Как очнется — я тут же тебе наберу, окей?

Он заботливо смотрит на меня, поджимая губы. И я сдаюсь. И правда ведь ничем сейчас не помогу. Секунда и я сваляюсь с ног.

Паша коротко улыбается мне, заверяя, что все будет хорошо. И удаляется в сторону клиники с девушкой на руках.

— На такси, Лиль! — командует и скрывается на крыльце.

Блокирую машину, достаю телефон, пытаюсь зайти в приложении, водя по разбитому экрану большим пальцем. И через несколько минут мучений у меня все же выходит.

В такси отрубаясь, хотя тревога не уменьшается. Я все время думаю о девушке и о ее разбитом лице. А еще внутренне молюсь, чтобы мой удар не добил ее. Ведь явно девушка была в плохом состоянии.

Глава 11.

“Я стою на парковке у соседнего дома. Не уехал”.

Ответ мужа приходит сразу же, я успокаиваюсь, медленно выдыхая ртом. Прячу телефон под подушку, снова чувствую, как в уголках глаз собираются слезы.

Вытираю их о края наволочки, а они все текут, оставляя пятна на хлопке.

Мне бы с эмоциями справиться, да решить, что дальше делать... Только не получается быть рациональной, когда так больно.

В теории тебе кажется, что со всем можно справиться, а если нет? Вдруг у меня не получится справиться с тем, что мой муж предпочел другую девушку. И что тогда?

Если жизнь после развода? Да, конечно, есть. Но не у всех...

Я знаю много одиноких женщин, кто так и не встретил свою вторую половинку. Они приходят к нам в клинику, отчаявшись, просят сделать ЭКО или то же суррогатное материнство. Готовы родить для себя.

Мужиков проклинают за ту боль, что причинили... Или же просто холодно к ним относятся. В постели их спутники — это игрушки, вибраторы. Или же редкий секс на одну ночь.

Господи!

Я вскакиваю в холодном поту, пробегаясь ладонью по лбу. Даже в страшном сне я не хочу так жить. Я не осуждаю, но для меня так важно быть под крылом мужского плеча.

Хочу... Чтобы любили, оберегали. Чтобы я всегда могла положить голову на грудь и сказать, как я устала. Ведь все двенадцать лет я жила именно в такой модели, и если честно, не желаю ее менять. Меня все устраивало.

И нет, я не инфантильная, никогда не перекладывала ответственность на мужа, это Игнат часто говорил, что я могу отдыхать, меньше работать. Но я всегда жила по принципу, что оба партнера должны выкладываться на сто процентов.

Получается... Что моих ста процентов оказалось недостаточно для того, чтобы сохранить брак. Или же у Игната не было этих ста...

Накидываю поверх пижамы куртку, наспех надеваю сапоги. Беру с тумбочки ключи сестры, аккуратно отворяю входную дверь и также тихо ее закрываю, прокручивая лишь на один поворот.

Мне нужно минут десять. Просто поговорить с ним. Понять. Не хочу истерить, драться, кусаться. Хотя тело требует встряски, выпуска эмоций и боли.

Но мне не нравится мысль, что я буду как больная идиотка с пеной у рта качать свои права и истерить. Не в моем это стиле.

Открываю дверцу машины, забираясь в теплый салон авто мужа. Он спит, откинувшись на сиденье, руки сложены

на груди, а между бровей залегла словно многовековая глубокая морщина.

Хлопаю дверью посильнее, Игнат тут же просыпается, полусонным взглядом смотрит, поворачивая голову в мою сторону.

— Лиля, — словно не верит, что это и правда я, — Что ты здесь делаешь?

Поправляет пальто, садясь ровнее. Достает из подстаканника бутылку с водой, осушая ее за секунду. Видимо сушняк после выпитого алкоголя.

— Пришла поговорить... Мирно.

— Мне жаль, малыш, — он тут же собирается с духом, — Я клянусь, Лиль. Правда жаль. Я не думал, вернее нет, я понимал, что сделаю тебе очень больно. Но я должен был признаться во всем. Как минимум потому что уже не мог контролировать себя, а во-вторых, ты не заслуживаешь того, чтобы увидеть, как твой муж... ну ты поняла. Поэтому я принял решение сказать.

— Ты не жалеешь? — хмыкаю я, а сама сжимаю руки на сиденье, впиваясь ногтями в кожаный салон.

Боюсь посмотреть на него. Сорвусь ведь, а пришла поговорить адекватно. Без скандала.

— Ты знаешь, так странно, Лиль, — он хмыкает, — Я ведь не разлюбил тебя. Вовсе. Смотрю и понимаю, что люблю. Чувства не ушли, это останавливает по сей день. Я не прикоснулся к ней в том плане, о котором ты думаешь. Не смог.

Потому что ты все еще важна для меня. Но... Это наваждение. Я и в нее кажется влюбился. Так бывает?

— Ты помнишь, я проходила когда-то курсы по психологии? — его слова выжигают все мое нутро, но я держусь, до победного, — Ну так, ради баловства. Просто для себя, чтобы разбираться лучше в людях.

Видимо плохо проходила, раз не увидела какую гадину пригрела.

Он кивает, когда я кидаю быстрый взгляд в его сторону.

— Ты пытаешься меня втянуть в любовный треугольник, Игнат, сам того не осознавая. Не буду кидаться терминами, как он называется, но в этом треугольнике три роли. Жертва, спасатель и агрессор, — я замолкаю, искусственно создавая паузу, чтобы он смог осмыслить, — И мне бы хотелось понять, какую роль ты играешь в этом. Как думаешь?

— А ты? — хрипит он, включая печку посильнее. Его знобит, я вижу, как скатываются капли пота у висков вниз к бороде. Как сжимаются руки на руле, в попытке скрыть тремор.

Может ему тоже страшно? Должна ли я быть в этой ситуации понимающей женой... Или жертвой?

— Я классическая жертва, — сжимаю губы до побеления, — Именно в этой ситуации.

— А я агрессор? — приподнимает бровь.

Я с шумом выдыхаю воздух, запрокидываю голову назад.

Смеюсь, конечно, не от радости. Просто защитные механизмы так срабатывают.

— Нет, ты спасатель.

— Что ты имеешь ввиду, Лиль?

— Мне удалось немного поразмыслить о роли Киры в нашей семье. Ты же помнишь как все началось? — я не дожидаюсь его ответа, — Ну, конечно, помнишь. И ведь она манипулировала нами, а мы с тобой слепые котят, Игнат. Велась на все это. И теперь ты ее спасаешь, бедную, несчастную и по уши в тебя влюбленную... Она агрессор. И знаешь, что она сказала мне?

Я снова не даю ему ответить, тут же парируя:

— Она собирается оставить ребенка себе. Или вам...

— Это неправда, — он прочищает горло.

— А какой мне смысл врать? Она прямо так и сказала, что будет бороться за малыша. И смотри-ка, тебя она уже выиграла. Костров, ты дурак, — губы снова дрожат от нахлынувшей боли, — Ты ее трофей.

— Лилька, — он пытается сделать попытку меня утешить.

— Нет, я правда не хочу прикосновений, — отодвигаюсь подальше, — И вот еще...

Снимаю кольцо с безымянного пальца, протягиваю ему:

— Возьми его себе, хорошо? Мне так легче будет.

— Оно твое, Лиль!

— Уже нет. Ведь я правда планирую развестись, но прежде... Позволь мне помочь тебе?

— Теперь ты спасатель? — он хмыкает, пытаясь отшутиться. Но, конечно, это тоже его защитная реакция.

— Я помогу тебе, Игнат. А ты сделаешь все, чтобы этот ребенок остался со мной. Это мой малыш. В пятый раз я не вынесу боли.

— Он твой. Это железно.

— Замечательно, — сглатываю накопившуюся слюну от волнения. Игнат так и не берет мое обручальное кольцо в руки, я оставляю его на торпеде, выхожу из машины.

— Как ты собралась помогать мне, Лиль? — он окликает меня, когда я уже закрываю дверцу.

— Я просто отпущу тебя. Теперь ты волен делать все, что захочешь.

Он пытается что-то сказать, я вижу, как двигаются шестеренки в его голове, и кажется даже слышу их скрип.

Но мне уже не важны его слова. Главное, что я сказала то, что хотела. И о чем думала все это время.

Виню ли я его? Да, я все еще виню его. Но и себя тоже. И Киру.

В треугольнике у каждой стороны сто, мать его, процентная ответственность.

Дорогие мои, если вам нравится книга, нажмите кнопку "мне нравится", пожалуйста!

Я буду вам очень благодарна)

Глава 12.

— Да это идиотизм, Мих! — я отшвыриваю руку друга, пока тот тащит меня по всей парковке, словно я невольный человек.

Поправляю пальто, следом потираю подбородок, касаясь жесткими ладонями такой же жесткой и неухоженной бороды.

— Это хуже, Игнатик... — друг щедр на сарказм, — Это полный ебантизм. Лилька слезы льет, ты бухаешь. Зато ваша девка живет себе припеваюче. Не пойдешь со мной туда, отвезу к наркологу, понял? Ты вообще в зеркало себя видел?

— Может я как-то сам разберусь? Без сопливых, — огрызаюсь, хотя в глубине души я признаю, что друг прав.

Просто тяжело осознавать, что будучи взрослым, успешным мужчиной, который имеет отличные аналитические способности, я впервые в душе не еб... Прости господи, понятия не имею, что делать дальше.

В голове словно разбросанный пазл, а я подставляю детали, и ничего не сходится! Ничего не получается собрать воедино. Ноль правильных и четко выстроенных мыслей.

Тяжело вздыхаю, мечтая о том, как после этого цирка, что устроил Мих, я приеду в задрипанный бар на окраине города, где меня никто не знает и уж точно никто из знакомых не увидит. Волью очередную порцию дешевого виски, ибо

другого там нет, буду жалеть себя, хотя не имею права... И в конечном счете у меня откроется гастрит.

Это самое безобидное, что может произойти. Ведь семью я уже потерял. Почти...

— Пошли, Костров! — Миха командует, а я закипаю как чайник на последней секунде.

— Блядь! Отвали! — разворачиваюсь на пятках и устремляюсь в сторону авто.

— Ну давай, беги! Молодец какой, — я слышу, как он хлопает в ладоши, — Права была Лилька, ты никого не любишь кроме себя. Удобно тебе было с такой красавицей жить и умницей, а тут надо же, она вдруг перестала быть удобной, отказав тебе в твоих желаниях трахнуть другую! — его голос пропитан желчью, — Не любил ты Лильку никогда!

Он выкрикивает, а меня уже заносит. Бегу в его сторону, набрасываюсь на лучшего друга. И бью по его роже. Так бью, как хотел, чтобы мне врезали.

Миха сплевывает кровь на заснеженный асфальт, отчего то смеясь.

— Задело? — приподнимает бровь.

— Я люблю свою жену! Слышишь? Я люблю Лилю!

— И вашу сурмамочку...

Да он, блядь, напрашивается.

Я снова делаю выпад в его сторону, но в этот раз он не дает себя ударить, ловко уворачиваясь. Ладно... Он знает все мои приемчики, мы с ним в спарринге уже десять лет стоим.

— Если любишь, то хватит строить из себя великого мученика. Взял и пошел туда! Лилька и то храбрее держится, а ты прикинь каково ей...

— Да знаю я, что сломал ее.

— Ты? Сломал? Она сильная девочка, найдет себе крутого мужика. Может с ним у нее получится семья с детьми..., — он делает паузу, совершая роковую ошибку, — Которых она сама родит.

Я скручиваюсь от боли, что стремглав пронзает все мои органы. Просто задыхаюсь от нее. Тут же представляя Лилу в объятиях другого, как он ласкает ее, позволяет запутаться своим ладоням в ее шелковых волосах.

Находит ее эрогенную зону, лаская губами.

— Прости, — Миха осознает, что совершил подлый нокаут, — Это я зря...

— Да пошел ты! — выть хочется. Но я иду в сторону этой чертовой клиники, где мне должны помочь.

Только в чем? Скажут, что я больной похотливый сукн сын, и это неизлечимо?

— Она классный спец! Костров, ради Лильки и вашей семьи. Тебе это надо, — друг кричит вслед, а я, не поворачивая головы, показываю фак.

На входе в клинику меня тут же встречает миловидная девчонка, улыбается во все тридцать два, одета в строгий костюм, а в руках планшет.

— Игнат Андреевич, добрый день! Рады приветствовать

вас в нашей клинике, вам необходимо заполнить несколько бланков... — она поет как соловей, а мне уже хочется развернуться и уйти.

— Юля, — глубокий женский голос окликает девушку. Она тут же замолкает, выпрямляясь по струнке, — Не нужно никаких бланков. Это ко мне.

На вид этой импозантной даме лет пятьдесят. Но выглядит она супер. Брючный костюм бордового цвета, идеально собранные в тугий пучок волосы, и повязанный не шее шелковый шарф.

А... И очки. Как у той улитки из мультика “Корпорация монстров”.

Она широко улыбается своими малиновыми губами.

— Пройдемте, — делает пригласительный жест.

Почему-то тут же хочется подчиниться, как перед самым строгим преподавом в школе. И я молча иду, полностью ведомый ею.

— Кофе? Чай? — она пропускает меня в кабинет, — Присаживайтесь на кушетку.

— А виски есть?

— Есть, — усмехается, — Но только после сеанса.

— Тогда кофе. Черный. Без сахара.

Она быстро передает информацию по селектору и снова просит меня улечься на кушетку.

Я кривлю лицо. Конечно, это не больничная кушетка, но и ничего хорошего она не предвещает.

— Может как-то стоя?

— Потанцуем? — она подмигивает.

— Че? — я вмиг тупею.

— Ну а чего стоять зря, ступни мять.

Она откровенно насмехается, но как-то по-доброму. Интеллигентно что ли.

Сдаюсь под ее напором глаз, ложусь в эту кушетку, не помещаясь своими габаритами.

— Ну что, Игнат Андреевич? Рассказывайте.

Ну давайте... Покопаемся.

— Я признался жене, что меня тянет к нашей суррогатной матери. А теперь... Как будто бы желаю.

— Как это как будто бы?

— Ну я потерял жену.

— А вы думали будет иначе?

— Я вообще в тот день не думал...

Смыкаю веки, прокручивая события того дня, как кино-пленку.

Глава 13.

Год назад.

— Она очнулась, — Пашка хрипит в трубку, скорее всего только проснулся после некачественного сна на диване в холодном кабинете, — Но ничего не говорит. И не ест.

Протираю веки, аккуратно вставая с кровати и накидывая на себя халат. Оглядываюсь в сторону второй половины кровати, где мирно сопит Игнат, развалившись в форме звезды на животе.

Его крепкие прокаченные руки спрятаны под подушкой, а спина оголена. Словно он специально демонстрирует прорисованные мышцы.

На секунду замираю, любуюсь мужем, который наплевав на все рабочие моменты тут же примчался ко мне. И в его объятиях тут же стало спокойно и хорошо.

Он — моя крепость.

Семеню на носочках в сторону выхода из спальни, прикрывая дверь.

— Вообще ничего не говорит? Даже звука не произносит? — захожу на кухню и сразу выпиваю стакан воды с лимоном. Включаю кофе-машину, погружая в специальное отверстие капсулу, и смотрю как напиток тонкой струйкой выливается в кружку, волнуя ароматом обжаренного зерна.

— Да странная она, Лиль, — Паша чем-то озадачен, —

Выглядит как оборванка. Словно уличная девка.

— Паш, — морщу лоб от его грубых слов, — Может у девушки беда.

— Ну не знаю, — растягивает буквы, — Может, конечно, и беда. Но ладно, растормошим ее.

— Только не наседайте на нее, — тут же даю наставления. Вдруг у девушки что-то серьезное случилось, не просто так на ее лице оказалось кровавое месиво, — Поласковее.

— Да ок-ок, Лилек. Ты главное не мчись сюда на первых порах спасать, а то я тебя знаю...

Закусываю губу, потому что именно это я и планировала сделать после того, как ароматный кофе пробудит мою нервную систему.

Паша правильно расценивает тишину в трубке.

— Ну нахрена, Лиль? У тебя нервный срыв был, ты как медик должна понимать, что нужен отдых. Мать Тереза, бл.

Натура такая... Не могу я спать, есть спокойно, пока не решен какой-то вопрос. А столкнувшись задней частью своей машины с этой девушкой, ее вопросы косвенно стали моими. Поэтому толку от этого отдыха будет ноль... Сначала хочу поговорить. Ну или попробовать поговорить.

— Ладно, я пошел на осмотр. Обнимаю, Лилек, — он тяжело вздыхает, — Упрямая женщина.

Последнюю фразу произносит совсем тихо, но я слышу. И тут же кладет трубку.

Я тоже откладываю телефон на столешницу, беру кружку

и подношу к губам. Горячий напиток обжигает язык, но я не замечаю, потому что витаю где-то в своих мыслях.

Крепкие руки обвиваются вокруг моей талии, подтягивая к стальному торсу. А любимые губы не менее любимого мужа тут же ласкают шею.

— Маленькая моя, — Игнат опускает подбородок мне на плечо, — Соскучился.

— Я тоже, — складываю свои руки поверх его, — Очень.

— Я взял выходной. К черту всех, — его хриплый шепот разгоняет мое либидо, — Хочу целый день с тобой валяться в постели, есть всякую гадость и смотреть фильмы. И много секса, Лиль. Как в общаге, помнишь?

Усмехаюсь. Ох... Прекрасное время было. Океан страсти, безрассудные поступки, топящая любовь. И все с одним единственным мужчиной.

И сейчас мне с ним также хорошо. Можно сказать даже идеально. Иногда страшно... Страшно представить, как это... Быть без него. Когда нет нас.

— Мне нужно в клинику на час, но потом я вернусь и обязательно...

— Лиль, — в его голосе появляется недовольство, он берет меня за плечи и разворачивает лицом к себе, — Ты видела свой изможденный вид в зеркале? Какая к черту клиника?

— Я не работать, родной, — успокаивающе глажу мужа по бицепсу, — Надо вопрос решить.

— Какой?

Когда вы оба карьеристы, то сложно синхронизировать свои графики. И я искренне ценю то, что он не упускает шанса провести время со мной. На этом и держится наш брак. На взаимопонимании. На том, что мы разговариваем и слышим друг друга. Стараемся слушать и слышать.

— Та девушка, которую я сбила...

— Задела, — поправляет меня.

— Да, задела, — киваю ему, — Она очнулась. Я хочу с ней поговорить.

— Зачем? — он не делает вид, а искренне не понимает.

— Ну как зачем? Она может быть в беде, Игнат.

— Ну если это так, то полиция поможет. Ты здесь причем?

— Я сама хочу.

— Бля, Лиль, — он злится, это видно невооруженным глазом, — Иногда мне кажется, что твои пациенты, роженицы, работа... Это все на первом месте. Но не я!

— Игнат, это не так.

— Нет, это так! Мне тоже больно, что мы снова не стали родителями, но я не бегу, Лиль. Я здесь, с тобой. И я хочу проживать эту боль вместе, а не так, что мы как два идиота прячемся в работе, лишь бы за грудиной не свербило. Что мне сделать, как тебе помочь? Скажи мне!

Он повышает голос. Но не на меня, его заводит ситуация.

— Ты хочешь ребенка, Лилек, ровно также, как его хочу я! Я тоже хочу быть отцом, ласкать губами твой беременный живот, услышать сердцебиение малыша. Но я также не хочу

в пятый раз вытаскивать нас из этого дерьма. Что мне сделать? Скажи!

Он задевает самые больные точки, выковыривая то, что я так усердно прячу. За напускной улыбкой, за кипой бумаг.

И да, он прав. Я бегу от боли. Как жаль, что я не замечала, как больно ему. Не меньше, чем мне.

— У вас в клинике есть программа суррогатного материнства, — он отходит на шаг, опирается руками о столешницу, — Я узнавал. Лиль... Если это выход, то я не против. Неважно как он появится на свет, ведь главное, что он будет наш.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.